

Н. Ю. АЛЕКСЕЕВА

ПЕТЕРБУРГСКИЙ НЕМЕЦКИЙ ПОЭТ Г. В. ФР. ЮНКЕР

Почти двадцатилетнее преобладание немецкой словесной культуры в Петербурге, наступившее с открытием Академии наук, в русском культурном сознании давно воспринимается как факт обыкновенный. Исследование этого явления возвращает нас к осознанию его феноменальности. Одним из ярких проявлений русского культурного феномена 1730-х годов было творчество Юнкера, в течение десяти лет самого видного поэта Петербурга, не знавшего, по-видимому, ни слова по-русски. Его сотрудничество в стенах Академии наук с В. К. Тредиаковским, а за их пределами — с Ломоносовым давно позволило выдвинуть предположение о влиянии Юнкера на становление русского классицизма. Однако малая изученность петербургского периода творчества немецкого поэта и полное отсутствие сведений о его творчестве германского периода затрудняли исследование этого вопроса. Единственным источником сведений о Юнкере до приезда в Россию служили до сих пор записки Г.-Ф. Миллера,¹ благодаря которому Юнкер оказался в Петербурге. Но и те немногие факты, которые сообщает Миллер, в русской историографии получили несколько тенденциозное истолкование, объяснимое господствовавшей предвзятостью в отношении придворной поэзии и поэтов, пишущих на заказ.²

Первым задался вопросом о литературных вкусах и немецких литературных связях Юнкера Л. В. Пумпянский,³ надеясь найти при его решении ответ на вопрос о вкладе Юнкера в развитие русской поэзии. Этот сам по себе частный вопрос важен для прояснения характера немецкого влияния на становление русского классицизма. Не располагая сведениями о немецкой поре жизни Юнкера, Л. В. Пумпянский вынужден был

¹ Миллер Г.-Ф. История Академии наук (1725–1743) // Материалы для истории Имп. Академии наук. СПб., 1890. Т. VI.

² Пекарский П. История Имп. Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. I. С. 479–493.

³ Пумпянский Л. В. 1) Тредиаковский и немецкая школа разума // Западный сборник. М.; Л., 1937. С. 157–186; 2) Ломоносов и немецкая школа разума // XVIII век. Л., 1983. Сб. 14. С. 3–44.

прибегнуть к реконструкции литературных связей поэта. Несмотря на то что в основу ее был положен только «список» немецких поэтов, приведенный Тредиаковским в «Эпистоле о русской поэзии к Аполлину» (1735), сложившийся, по справедливому предположению Пумпянского, под влиянием Юнкера, предложенная ученым литературная генеалогия последнего в целом оказалась верной. И все же некоторые, правда весьма существенные, литературные связи Юнкера остались неучтенными. Главный вывод о его принадлежности к немецкой «школе разума», довольно подробно охарактеризованной Пумпянским,⁴ не помог решению принципиального вопроса о литературной зависимости русских классицистов от творчества представителей «школы» в Петербурге — Юнкера и Я. Штелина. Отчасти это произошло потому, что свое внимание Пумпянский сосредоточил на проблеме стиля, проверяя зависимость стиля раннего русского классицизма от «разумного» стиля, отличавшего немецкую придворную школу. Проблема жанра, представлявшаяся Пумпянскому менее важной, в статьях о «школе разума» осталась только затронутой. Воздействие же на стилистическом уровне одной литературы на другую, когда обе они принадлежат к разным традициям, как это было в 1730-х годах с немецкой и русской поэзией, — явление почти невозможное, и Пумпянскому пришлось прийти к выводу, что «влияние школы разума скромно» и что оно «пошло под углом, почти касательной».⁵ По мнению Пумпянского, творчество петербургских немецких поэтов более всего сказалось «в сложении тематики раннего Ломоносова».⁶

Некоторые сведения о Юнкере, полученные при работе в петербургских книгохранилищах, дополняют наше знание о литературной культуре Юнкера и тем самым уточняют наше представление о его роли в становлении новой русской поэзии.

Готлоб Фридрих Вильгельм Юнкер родился в семье знаменитого в свое время ученого и просветителя Христиана Юнкера (1668–1714) от его второго брака с Марией Элизабет Вагнер. Имя Хр. Юнкера, труды и издания которого по истории и литературе пользовались широкой известностью, было памятно в немецкой культуре еще в XIX и в начале XX века.⁷ В 1914 году в память 200-летия его кончины был выпущен сборник,⁸ в котором в ряду других биографических сведений приводятся краткие данные о его восьми детях. Среди них вторым по старшинству и старшим из сыновей шел Готлоб Фридрих Вильгельм Юнкер. Он родился

⁴ Термин «школа разума», не встретившийся нам в немецкой литературе, в работах Л. В. Пумпянского означает примерно то же, что ранний классицизм, возможно, он заимствован из истории философии (так называлась школа Хр. Вольфа). В Германии это направление в поэзии относят к «придворной школе» (hofische Schule)

⁵ Пумпянский Л. В. Тредиаковский и немецкая школа разума С 186

⁶ Там же. Этому вопросу посвящена статья «Ломоносов и немецкая школа разума»

⁷ Ему посвящена статья в «Allgemeine Deutsche Biographie» (Bd 14 Leipzig, 1881 S. 690–692)

⁸ Zum Gedächtnis Christian Junckers (1668–1714) Aufsätze über Juncker und sein Rennsteigwerk zum 200 Todestage herausgegeben Schriften des Rennsteigvereins N 6 Ruhla, 1914. Здесь же помещена основная литература о нем. Приношу благодарность доктору М. Шиппану, любезно приславшему мне эту книжечку из Берлина

1 июля 1703 года⁹ в Шлейзингене (Нижняя Саксония), в 1708 году семья перебралась в Эйзенах (Нижняя Саксония), а в 1713 — в Альтенбург (недалеко от Лейпцига). Здесь в июле 1714 года почти одновременно умерли оба родителя этой большой семьи. На смерть отца 11-летний Готлоб от имени себя и братьев написал стихи, переделанный вариант которых был им позднее опубликован. Получить образование старшему из сыновей (другие, кажется, не достигли совершеннолетия) в этих трудных обстоятельствах могли помочь имя и ученые связи покойного отца. Он, вероятно, окончил гимназию в Альтенбурге, ректором которой был его отец, и в начале 1720-х годов поступил в Лейпцигский университет.

О годах учения Юнкера в университете мы, как и наши предшественники, можем судить лишь по запискам Миллера, который учился с Юнкером «в одно время». Если Миллер поступил в Лейпцигский университет в 1724 году, будучи двумя годами моложе Юнкера и поучившись ранее в Ринтельне,¹⁰ то Юнкер мог попасть в университет в 1720 или 1722 году. «В свое оправдание должен сказать, — говорит Миллер, — что тогда я не имел с ним никаких отношений», поскольку Юнкера, признанного в университете «поэтом превосходным (vortrefflicher Dichter), поэтом прирожденным, как Гюнтер», которого он взял себе тогда «за образец», «редко видели в аудитории профессоров».¹¹ Проучившись около года в Лейпциге (летом 1725 года он уедет в Петербург), едва знакомый в то время с Юнкером, Миллер запомнил не столько его самого, сколько его студенческую славу и яркую одаренность. Уподобление Юнкера самому Гюнтеру в устах Миллера, относившегося к бывшему однокашнику весьма, как видно из его записок, сдержанно, продиктовано не плохим знанием дела или восторженностью автора записок (оценки Миллера как раз отличает трезвость), а, скорее, отражает реальное восприятие Юнкера в лейпцигской университетской среде. Юнкер мог считаться в университете преемником Гюнтера в том же смысле, как каждый выпуск лицейстов знал своего Пушкина. Это не так уж много, но и не мало. Надо учитывать, что Иоганн Христиан Гюнтер (1695–1723), самый значительный немецкий поэт первой половины XVIII века, для студентов Лейпцигского университета этого поколения еще только становился легендой, многие еще его хорошо помнили. Он учился в Лейпциге почти два года, в 1717–1719 годах, здесь его творчество достигло своего расцвета, и здесь же в его судьбе произошел роковой поворот, связанный с надеждами на должность придворного поэта и скандальным неуспехом при представлении его саксонскому курфюрсту Августу II в Дрездене. Образ Гюнтера, исполненный обреченности гения, еще для Гёте был символом «истинного», т. е. «прирожденного», поэта в противоположность поэту, натасканному на «науку поэзии». Это противопоставление, сказавшееся и в оценке

⁹ Ibid S 6. Таким образом, обе даты рождения Фр Юнкера (1702 и 1705 год), приведенные П П Пекарским (*Пекарский П* Указ. соч Т 1. С 480) и повторенные в других изданиях, неверны.

¹⁰ Там же С 310

¹¹ Миллер Г-Ф История Академии наук. С. 208.

Миллером Юнкера, в немецкой культуре 1730–1760-х годов достигло болезненной остроты. Острота была вызвана резким поворотом немецкой теории поэзии в сторону рационализма и классицизма, в его самом крайнем, очищенном варианте. Главным очагом, из которого исходило учение о рациональной поэзии, сводимой к определенным законам и правилам, был тот же Лейпциг, а само движение к очищению поэзии, начавшееся еще на рубеже веков, оформилось в трудах И. Хр. Готшета. Окончательный переход саксонской поэтической культуры к классицизму означился как раз в последние годы пребывания Юнкера в университете, на его глазах. И встает вопрос, с его ли участием? Позиция Юнкера в отношении начавшегося в Лейпциге готшетианства становится, таким образом, центральной проблемой в исследовании его творчества и тем самым в исследовании предполагаемого его влияния на ранний русский классицизм.

До наступившего в 1728–1730 годах главенства Готшета поэтические вкусы Лейпцига определял И. Б. Менке (Mencke, 1674–1732). Сведений о контактах профессора истории, известного ученого-эрудита,¹² издателя «*Nova Acta Eruditorum*» (Новых ученых трудов) с Юнкером не удалось разыскать. Однако участие Менке в судьбе Юнкера или во всяком случае его влияние на формирование вкусов молодого поэта не вызывает сомнений. Менке, отличавшийся редким вниманием к молодежи, обязательно кого-нибудь пестовавший, не мог не обратить свое внимание на талантливого студента. К тому же он, наверное, хорошо знал отца Юнкера, учившегося немногим ранее его самого в Лейпциге. Помимо своей ученой деятельности, Менке был широко известен как глава Поэтического общества (*Deutschubende poetische Gesellschaft*), основанного им в 1697 году. Он был заметным в первую треть века поэтом, выступавшим под именем Филандер фон дер Линде (*Philander von der Linde*). Наряду со сборниками «разных стихотворений» (*Vermischte Gedichte*) он пробовал себя и в роли теоретика литературы. В его известном в то время трактате,¹³ написанном в форме беседы двух профанов, Миниппуса и Титируса, со знатоком Филандером, раскрывающим им тайны поэзии, отразилось переходное состояние немецкой теоретической мысли от «второй силезской школы» к классицизму.¹⁴ Это выражается и в самой избранной Менке форме трактата, исполненной некоторой игривости, разрешавшей порой недосказанность, приглушенность даваемых уроков, и в оценке предшествующих и современных Филандеру поэтов. Более всего им ценятся Фр. Р. Каниц (*Canitz*, 1654–1699), Хр. Гофман фон Гофмансвальдау (*Hoffmannswaldau*, 1617–1679) и И. Бессер (*Besser*, 1654–1728), поэты, направления которых вскоре будут резко противопоставлены друг другу Каница и Бессера.

¹² О его роли при организации Петербургской Академии наук см. *Пекарский П.* Указ соч. Т. I. С. 20, *Копелевич Ю. Х.* Основание Петербургской Академии наук. Л., 1977. С. 50, 58 и далее.

¹³ *Philander von der Linde.* Unterredung von der Deutschen Poesie // *Philander von der Linde.* Vermischte Gedichte. Ed. 2. Leipzig, 1727.

¹⁴ Разбор трактата Менке и исследование его значения для развития немецкой поэзии см. *Markwardt B.* Geschichte der deutschen Poetik. Bd I. Berlin, Leipzig, 1937. S. 325–331.

признают образцами «хорошего вкуса», а Гофмансвальдау будут приписываться все пороки безвкусыя, выражавшиеся в надутости, вычурности, нечистоте стиля. Для Менке же Гофмансвальдау еще поэт исключительного мастерства, умеющий «красочно живописать окружающий мир», а Бессер — поэт, у которого в стихах все «выходит галантно и непринужденно»¹⁵ «Непринужденность» (*Ungezwungenheit*) и «остроумие» (*Witz*) как раз и составляют, по Менке, основное достоинство поэзии. Неразличение при этом «чистых» поэтов от «нечистых» у Менке происходит потому, что для него проблемы стиля еще не выдвинулись на первый план, его более занимает организация произведения, его форма и само звучание стиха. Все это как раз и знаменует переходный характер эстетики Менке от галантной постбарочной поэзии к классицизму. В отношении формы поэзии это сказалось прежде всего на разработке немецкого александрийского стиха, на выдвигании на первое место вообще шестистопного ямба, на преимущественном интересе к жанру надписи, сатире и отчасти к оде.

В атмосфере начальной ориентации немецкой поэзии на французский классицизм в 1718 году была создана ода Гюнтера «Принцу Евгению», первая немецкая ода, отвечавшая правилам Н Буало-Депрео. О роли Менке, подтолкнувшего в то время своего питомца Гюнтера к написанию подносного похвального стихотворения (*Lob-Gedichte* — в немецкой поэзии этого периода обычное обозначение, своего рода термин) Евгению Савойскому говорят все биографы Гюнтера. При этом о роли Менке в выборе еще исключительно редкой для немецкого лобгедихта форме классицистической оды упоминается значительно реже. А между тем сама ориентация Гюнтера на французский классицизм, вполне еще, впрочем, робкая, исходила от Менке.¹⁶

Эта же переходная атмосфера от итальянского маринизма (сам Менке еще ценит Дж Марино и переводит его мадригалы) к французскому классицизму окружала и Юнкера. Степень вовлеченности Юнкера в этот процесс может быть выявлена лишь после знакомства с его творчеством этих лет и выяснения его участия в Поэтическом обществе Менке. В 1722 году, в год празднования 25-летия Поэтического общества, в издании, посвященном этому событию, в числе членов Общества названо четыре студента, не исключено, что в их числе и Юнкер.¹⁷ Возможно, однако, что Юнкер вступил в Общество позднее, но почти несомненно, что он был членом еще Поэтического общества. В 1727 году Поэтическое общество было реорганизовано в Немецкое общество в Лейпциге (*Deutsche Gesellschaft in Leipzig*), и хотя его главой (сеньором) до самой

¹⁵ *Philander von der Linde* Op. cit. S. 169.

¹⁶ Об этом говорится в следующих работах: *Des berühmten Schlesiens Dichters Leben und Schriften Schlesien, 1738* S. 56–59, *Tittmann J. Johann Christian Gunther // Allgemeine Encyclopedie der Wissenschaften und Künste / Hrs F. A. Brockhaus Leipzig, 1878* Th. 97 S. 340, *Fulda L. Die Gegner der zweiten schlesischen Schule Johann Christian Gunther Berlin, Stuttgart Th. 1 S. a S. 9–12*.

¹⁷ *Danzel Th. Gottsched und seine Zeit. Auszüge aus seinem Briefwechsel Leipzig, 1848* S. 80–81. Сама книжечка «*Schesmata de instituto societatis Philo-Teulonico-Poeticae, quae sub praesidio etc. hic Lipsiae congragatur*» (Lipsiae, 1722) осталась нам не доступной.

своей смерти в 1732 году оставался Менке, оно в своем новом виде испытывало сильное влияние своего негласного руководителя Иоганна Кристофа Готшета.¹⁸ В конце изданных «Известий» о реорганизации Общества, содержащих объяснение его задач и целей, прав и обязанностей членов, помещен список всех участников Общества, разделенных на почетных членов из саксонской знати и 15 «академических» членов, среди которых значится Юнкер.¹⁹ В сборнике Немецкого общества 1732 года²⁰ собраны речи, произнесенные новыми членами Общества при их вступлении. Отсутствие среди них речи Юнкера, как и речей еще семерых членов, в том числе и Готшета, из 15 «академических» членов 1727 года, свидетельствует в пользу того, что он, как и другие семь человек, был членом еще Поэтического общества и не нуждался во вступлении в обновленное Общество 1727 года.

На самой ранней поре нового Общества Юнкер играл в нем, очевидно, заметную роль. Осенью 1727 года он выпускает одно из первых изданий Общества: последний, седьмой, том собрания Гофмансвальдау. Это издание, начатое еще Бен Нейкирхом в 1695 году, включало в себя наряду с произведениями Гофмансвальдау «другие избранные немецкие стихотворения».²¹ В предисловии к сборнику Юнкер говорит об издании как о возложенном на него поручении Немецкого общества.²² Судя по перечню книг, выпущенных Обществом к 1730 году, список которых помещен в одном из его сборников, том Гофмансвальдау был к этому времени, не считая вышедшего в 1728 году одического сборника, единственным стихотворным сборником Общества.²³ Напрашивается вывод, что первое и в своем роде единственное издание стихотворений, предпринятое Обществом, было поручено самому заметному в нем (не считая стареющего Менке) поэту.

В том Гофмансвальдау, подготовленный Юнкером, вошло всего три стихотворения виновника издания, а в основном его составляют «другие избранные стихотворения», среди которых более всего стихотворений Кенига, который не был членом Общества, и самого Юнкера. Более тридцати его стихотворений 1724–1727 годов позволяют судить о характере творчества поэта этих лет. Из них более ранние относятся к легким жанрам — это любовные и поздравительные стихотворения, надписи к портретам, эпиграммы. Кроме них Юнкер поместил свои переводы из Овидия и Горация и девять похвальных стихотворений 1726–1727 годов. Для прояснения литературной позиции Юнкера не меньший интерес представляет его пространное «Исследование о светских стихах г. Готфрида Бенямина Ганке», помещенное в начале издания.²⁴

¹⁸ Во многих исследованиях неверно указывается, что его главой был Готшед. О неудачной попытке Готшета возглавить Общество см. *Danzel Th Op cit S 82*.

¹⁹ Nachricht von der erneuerten Deutschen Gesellschaft in Leipzig. Leipzig, 1727. S. 76.

²⁰ Der Deutschen Gesellschaft in Leipzig gesammelte Reden und Gedichte. Leipzig, [1732].

²¹ Herrn von Hoffmannswaldau und anderen Deutschen auserlesener und bißher ungedruckter Gedichte. Leipzig, Frankfurt, Göttingen, 1695–1727. Bd 1–7.

²² Там же. Bd 7. S. [6].

²³ Schriften der Deutschen Gesellschaft in Leipzig. Leipzig, 1730. Th 1. S. 531.

²⁴ Untersuchung Herrn Gottfried Benjamin Hanckes Weltlicher Gedichte angestellt von G. F. W. J. // Herrn von Hoffmannswaldau < > Gedichte. Bd 7. Страницы не нумерованы.

Направленное против поэта Бенъямина Ганке (Hanske, ум. в 1750 году), оно состоит главным образом из построчного разбора его стихотворений, но содержит также и ряд теоретических положений. Само изложение Юнкера еще проникнуто характерным для галантной немецкой традиции духом изящного остроумия, который Юнкер мог усвоить у Менке и который будет вытравлен вскоре серьезностью и основательностью Готшета и его последователей. Вместе с тем для Юнкера в отличие от Менке «хороший вкус» и «разумное» начало в поэзии представляют уже главную и безусловную ценность, а проблема стиля — одну из основных проблем. В этом отношении трактат Юнкера сильно перекликается с подробным и наукообразным «Исследованием о хорошем вкусе» Кёнига,²⁵ и написан, скорее всего, в согласии с ним. Оба трактата отражают движение немецкой теории в сторону победительного (на этой стадии) рационализма. Авторитетами в немецкой поэзии для Юнкера служат Опиц, Каниц, Гюнтер, Бессер, К. Г. Гереус (Heraeus, 1671–1730) и с оговорками Нейкирх (лишь эти имена упоминаются в трактате), а Гофмансвальдау и Лознштейн, которых еще ценит Менке и на которых уже обрушивается Кениг, Юнкером не упоминаются вовсе.

Том стихов, опубликованных Юнкером, представляет собой интерес как собрание образцов лейпцигского круга поэтов до проведенной Готшетом реформы литературы. Хотя сборник поделен на разделы, их определяет не жанровая принадлежность стихотворений, ее фактически нет, а повод их написания. Сборник отражает характерное для немецкой поэзии этого времени метрическое однообразие, все стихи написаны шестистопным или четырехстопным ямбом. Раздел подносных стихотворений составляют исключительно лобгедихте, с устоявшейся для них в Саксонии и в Пруссии формой — александрийский стих, иногда поделенный на строфы в шесть стихов. И лишь одна ода, попавшая в сборник, принадлежит Юнкеру. Правда, она, «петая в начале иллюминации» 3 августа 1727 года, вполне еще далека от классицистической оды.

Но ни этот сборник, ни другие издания Немецкого общества этих лет не говорят прямо об отношении Юнкера к Готшету и его деятельности. С известной осторожностью о нем можно судить лишь по некоторым умолчаниям, — так сказать, от противного. Само по себе отсутствие каких-либо свидетельств о знакомстве Юнкера с Готшетом, между тем как они несомненно были хорошо знакомы, свидетельствует по крайней мере о сдержанном характере их отношений. О сдержанном отношении Юнкера к Готшету может свидетельствовать место в «Исследовании о стихах Ганке», в котором говорится о достоинствах немецких сатир, переводных, подражательных и оригинальных. В поучение Ганке Юнкер подробно разбирает достоинство сатир Каница и Гюнтера и ни словом не упоминает переводные и подражательные сатиры Готшета, которые публикуются в сборнике. Других произведений Готшета в сборнике нет. То же молчание о Готшете отражает «немецкий список» Тредиаковского, что вызвало недоумение Пумпянского, предложившего этому свое объяс-

²⁵ Untersuchung von der Guten Geschmack in der Dicht- und Rede-Kunst ausgefertiget von Johann Ulrich König // Canitz Gedichte Leipzig, Berlin, 1727

нение.²⁶ Однако удивление было бы более оправдано, если бы Готшед в этом списке присутствовал. В то время Готшеда не называли в ряду не только лучших, но и вообще заметных поэтов.

Готшед, приехавший из Кёнигсберга в Лейпциг в самом начале 1724 года, был уже начинающим ученым и руководствовался в выборе места своего пристанища²⁷ прежде всего связью Лейпцига с рационалистической философией Хр. Томазиуса и Хр. Вольфа, приверженцем которой он был. Хотя в Кёнигсберге он принимал участие в поэтическом кружке И. В. Питча (1690–1733), его серьезное занятие поэзией, по словам биографа, началось в Лейпциге под воздействием того значения, которое придавали лейпцигские просветители литературе.²⁸ Здесь, в Лейпциге, став 1 марта 1724 года членом Поэтического общества, он попал под покровительство Менке, а вскоре занял лидирующее положение в Обществе. Личность и энергия Готшеда изменили соотношение сил в литературном и ученом кругу Лейпцига уже к 1727 году, в течение которого он реорганизовал Общество и начал выпускать литературно-теоретическое издание «Бидерманн» (*Der Bidermann*). К осени 1729 года он закончил свой знаменитый «Опыт критического рассмотрения поэзии» (*Versuch einer Critischen Dichtkunst*), за который сразу же получил звание профессора поэзии. Набирающий силу Готшед в Юнкере, когда-то первом среди молодых поэтов Лейпцига, мог вызывать ревность и раздражение. Мало кому известный сегодня Юнкер мог видеть в Готшеде своего соперника. Он, как мы знаем со слов Миллера, был избалован признанием и не мог, вероятно, подчиниться новому авторитету, противостоять же ему у него не хватило сил. Теоретические возможности Юнкера, продемонстрированные им в «Исследовании», не могут идти в сравнение с мощной теоретической базой признанного вскоре всеми лидера немецкого классицизма. А именно теория становится отныне прерогативой Немецкого общества. Умение же легко и изящно, «непринужденно» писать стихи, в чем Юнкер был, по-видимому, силен, Готшедом в отличие от Менке уже не ценилось. Соединение учености с подлинным знанием и ценительством поэзии, которое господствовало при Менке, при Готшеде сменилось высокопрофессиональным отношением к делу. Отныне в писании стихов подвизались чуть ли не все «академические» члены Общества, число которых с каждым годом прибывало главным образом за счет студентов и молодых преподавателей. В этой поставленной на поток поэтической продукции трудно различим голос подлинного поэта, которым, по всей справедливости, независимо от степени дарования мог считать себя Юнкер.

Об известной независимости в теоретических взглядах Юнкера от словесной теории Готшеда, а одновременно о его слабости как теоретика говорит его отношение к известному тогда еженедельнику «*Discours der Mahler*» (Рассуждение художников, 1721–1723), издаваемого швейцарскими теоретиками поэзии И. Бодмером (*Bodmer*, 1698–1783) и И. Брей-

²⁶ Пумпянский Л. В. Тредиаковский и немецкая школа разума. С. 179–180.

²⁷ Готшед покинул родной Кёнигсберг из опасения попасть в прусскую армию.

²⁸ *Danzel Th. Gottsched und seine Zeit. S. 67.*

тингером (Breitinger, 1701–1776). «Дискурс» был направлен против преобладания рационального в словесном искусстве и ориентации немецкой поэзии на чуждый ее духу французский классицизм. У Готшета, стоявшего на противоположной позиции, выступление швейцарцев вызвало ответный «Опыт критического рассмотрения поэзии», открывший существенную для истории немецкой поэзии полемику Готшета со швейцарцами. В этом контексте признание за швейцарским «Дискурсом» определенных теоретических заслуг, высказанное Юнкером в «Исследовании», свидетельствует не столько о его более широком, чем у Готшета, взгляде на поэзию, сколько о меньшей принципиальности и законченности системы взглядов.

Разногласиями с Готшедом, а может быть, и неприятием его личности, известной своей авторитарностью, объясняется, по-видимому, малое участие Юнкера в изданиях Немецкого общества 1728–1730 годов. Так, в изданном в 1730 году сборнике произведений членов Общества Юнкеру принадлежит лишь 2 стихотворения, тогда как некоторым его собратьям по Обществу — более 20.²⁹ Та же картина предстает в первом сборнике од Немецкого общества, среди 104 од которого мы находим всего три оды Юнкера.

Невозможно пока ответить на вопрос, почему Готшед в начальные годы своей деятельности такое внимание уделял оде. Два выпущенных им сборника од (в каждом по четыре книги) с интервалом в 10 лет,³⁰ собрание его собственных стихотворений, основу которого составляют более сотни од, его разбор оды Гюнтера и образцы переводов из Анакреона, помещенные в «Beiträge»,³¹ не говоря уже о разделе, посвященном оде в «Опыте...», свидетельствуют о несомненном преимущественном интересе к этому жанру. Тема «Готшед и ода», важная для истории русской и незначительная для истории немецкой поэзии, не освещена в немецкой науке. Однако предисловия Готшета к сборникам од Общества и к собственным одам, указанные статьи в «Beiträge» и «Опыте», а также статьи из лексикона Цедлера об оде, Буало, Пиндаре, Горации, написанные членами Общества,³² выявляют весьма стройную и не противоречащую себе ни в чем теорию оды Готшета. Именно Готшедом была разработана для немецкой поэзии (с учетом опыта Гюнтера и Бессера) так называемая пиндарическая ода, узаконенная французским классицизмом, прежде всего в «Рассуждении об оде» (1693) Буало. Это включало в себя усвоение ее формы: строфы в 10 стихов четырехстопного ямба с установкой на звучность и энергию стиха, достигавшуюся дли-

²⁹ Schriften der Deutschen Gesellschaft in Leipzig Юнкеру принадлежит в нем похвальное стихотворение (с. 242–244) и стихотворение на смерть Фр. М. Динглингера (с. 272–274).

³⁰ 1) Oden der Deutschen Gesellschaft in Leipzig In vier Bucher abgeteilet Leipzig, bey J. F. Gleditschens sel. Sohn Anno, 1728, 2) Der Deutschen Gesellschaft in Leipzig Oden und Cantaten in vier Buchern Leipzig, bey B. Ch. Breitkopf, 1738.

³¹ Beiträge zur kritischen Historie der deutschen Sprache, Poesie und Beredsamkeit Bd. 5 Leipzig, 1737.

³² Grosses universal Lexicon aller Wissenschaften und Künste Halle, Leipzig, bey I. Chr. Zedler, Halle, Leipzig, 1734–1741 Bd. 8–11.

ной периодов с частыми внутри них обращениями, восклицаниями, вопросами, а также наполнение ее политическим содержанием, заключавшимся в похвале государству и утверждении гражданственных идеалов. Основу первого одического сборника Общества 1728 года составляют как раз героические (похвальные) оды. Если учесть, что 104 оды первого сборника писались и обсуждались (обсуждение было главным занятием на еженедельных заседаниях Общества) в течение одного года, можно представить себе ту одическую лихорадку, которую переживал Лейпциг в 1728 году! Однако героических од Юнкера в сборнике нет, ему принадлежит лишь одна промоционная (на получение степени) и две медитативные оды: «Der Ehrgeiz» (Честолюбие) и «Die Wollust» (Наслаждение),³³ проникнутые духом горацянства. Это тоже, возможно, связано с некоторой дистанцированностью Юнкера в отношении поэтического направления Общества.

Издание тома Гофмансвальдау было, по-видимому, вершиной литературной деятельности Юнкера. Предполагаемая нами холодность в отношениях Юнкера с Готшедом могла послужить причиной скорого его отъезда из Лейпцига, оказавшегося во власти Готшедов. Однако связи с Обществом Юнкер полностью не прерывал, и уже из России он посылал для его изданий свои стихи и оды.³⁴

По-видимому, в 1727–1728 годах он оканчивает университет. По условиям времени Юнкер мог претендовать либо на место при дворе, либо на место в университете. Последнее, как кажется, было исключено после легкомысленного обучения Юнкера в университете, о котором мы знаем от Миллера. Поэтому очень правдоподобно, что Юнкер пробует свои силы при курфюрстском дворе в Дрездене, при котором наряду с должностным придворным поэтом Кёнигом находили себе покровительство разного рода литераторы и артисты. Летом 1727 года он едет в Дрезден к Кёнигу³⁵ и вместе с ним готовит иллюминацию 3 августа 1727 года, к которой пишет похвальные стихи и оду, опубликованные в 7-м томе Гофмансвальдау. Предположение Миллера о конфликте Юнкера с Кёнигом («Вероятно, (выделено мной.— Н А) г. Кёниг должен был увидеть его (Юнкера.— Н А) превосходство, что пробудило в нем (Кёниге.— Н А) ревность, зависть, ненависть...»³⁶), разделенное Пумпянским, не имеет под собой достаточных оснований. Никакими сведениями о разладе Кёнига и Юнкера мы не располагаем. Напротив, Юнкер, как мы видели, щедро публикует стихи дрезденского поэта в сборнике

³³ Oden der Deutschen Gesellschaft in Leipzig Bd IV S 343–345, 386–388, 389–391

³⁴ Во второй части сборника «Schriften der Deutschen Gesellschaft in Leipzig» (Leipzig, 1734 Th 2 S 195–199) помещена идиллия Юнкера «Schafergedichte bey der Kirchbach- und Vitzthumlichen Vermählung», во втором одическом сборнике (Der Deutschen Gesellschaft in Leipzig Oden und Cantaten) 1738 года — одна кантата и три оды Юнкера, в том числе курфюрсту Августу III (с 21–24), об отдельном издании которой говорит Пекарский (Пекарский П Указ соч С 484) и петербургская ода на новый 1736 год (с. 32–34)

³⁵ О поездке Юнкера в Дрезден говорит Миллер (Миллер Г-Ф Указ соч С 208) со слов Юнкера

³⁶ «Wahrscheinlich, muss hr König an ihm seinen meister gefunden haben, welches bei ihm eifersucht, neid, hass erweckt hat » (Миллер Г-Ф Указ соч С 208)

и в согласии с его «Исследованием о хорошем вкусе» создает свое «Исследование» Через несколько лет, уже из России, он обратится к Кенигу с дружеским посланием, написанным, между прочим, в форме оды Это самое автобиографичное произведение Юнкера, проникнуто таким доверием к старшему поэту, он так откровенно рисует в нем уклад своей петербургской жизни, свою тоску и одиночество, что трудно говорить на его основании о дистанции между учеником и учителем Скорее, это дружба равных, пусть и разных по возрасту и положению поэтов

Du allerbesten Freund auf Erden!
Ich weiss, dass sich dein Mitleid regt,
Doch, sey nicht mehr von mir bewegt ³⁷

(Ты лучший из друзей на земле! / Я знаю, что ты движим состраданием, / Однако более не беспокойся обо мне)

Вывод Пумпянского на основании стиха «Ich weiss Dir nicht mehr nachzusingen» (Я не могу более петь вослед тебе) об ученичестве Юнкера ³⁸ представляется поспешным, поскольку во всем послании говорится об угасании поэтического дара «на брегах холодной Невы», и приведенные Пумпянским строки заключают жалобы на невозможность соответствовать прежнему поэтическому союзу

В Дрездене Юнкер не остается Его успеху при дворе (если он и вправду претендовал там на место) мог помешать Ганке, уничтожающий разбор произведений которого продиктован, возможно, отчасти личными отношениями Имя Ганке известно историку русской литературы по первому поэтическому произведению, опубликованному в «Примечаниях на Санктпетербургские ведомости» по причине его «курьезности» ³⁹ Свои сервилльные стихи, вызвавшие смех в Петербурге, Ганке читал королю в октябре 1729 года, но нет сомнения, что подобные опыты он производил и ранее Очень вероятно, что статья Юнкера была либо инспирирована Кенигом, которому как официальному придворному поэту Ганке мог мешать своим стихотворным лебезением, пользовавшимся снисходительностью короля, либо была вызвана личным неудовольствием Юнкера перебежавшим ему дорогу акцизным секретарем

Неудача в Дрездене привела Юнкера в Берлин, где, возможно, он также надеялся найти покровительство за счет своего поэтического дара Это предположение отчасти подтверждает его похвальное стихотворение графу Брюлю (1730), написанное уже под влиянием Готшета в форме оды ⁴⁰ Здесь в Берлине в конце июня—начале июля 1731 года его нашел Миллер в бедственном состоянии в доме книгоиздателя Амбросия Хау-

³⁷ Poetischen Schreiben Herrn Junkers aus Petersburg // König J U Gedichte Leipzig, 1745 S 616

³⁸ Пумпянский Л В Тредиаковский и немецкая школа разума С 179

³⁹ Об этой публикации и переводчике стихов Ганке см Берков П Н Из истории русской поэзии первой половины XVIII века // XVIII век Сб статей и материалов М, Л, 1935 [Вып 1] С 70–81

⁴⁰ Glückwünschener Zuruff an Sel Excellens Hn Heinrichen von Bruhl // Schriften der Deutschen Gesellschaft in Leipzig Leipzig, 1730 Th 1 S 242–244

де⁴¹ за составлением разговоров в царстве мертвых⁴² Речь идет о «Разговорах в царстве мертвых», очень популярном в Германии XVIII века периодическом издании, в котором в увлекательной форме излагалась история всех времен и народов⁴³ Их автором был известный в то время историк и историограф Давид Фассман (1683–1744) По словам Миллера, «как раз в это время Фассман исчез», и «их издатель Амбросий Хауде был вынужден заменить его Юнкером» В 1726–1731 годах Фассман находился на службе у короля Фридриха Вильгельма I в числе членов так называемой Табачной коллегии (Tabakskollegium) и жил в Берлине, но в 1731 году с упразднением коллегии он покинул столицу⁴⁴ Издателем «Разговоров» был не известный берлинский книгоиздатель Амбросий Хауде, а его брат Иоганн Хауде, проживавший, по-видимому, в Лейпциге, где выходило издание⁴⁵ Миллер упоминает пятую и шестую части издания, посвященные истории Турции, автором которых был Юнкер Эта работа определила, вероятно, дальнейший интерес Юнкера к этнографии и истории, который проявился уже в Петербурге⁴⁶ Помня и, вероятно, страшась судьбы Гюнтера и уже начиная в чем-то повторять ее, по крайней мере своей неустроенностью, Юнкер, забыв свои прежние честолобивые мечты, умолял Миллера устроить его домашним учителем в далекой России⁴⁷

Юнкер прибыл в Петербург с последней навигацией 1731 года и, представленный И.-Д. Шумахеру, был оставлен им при Академии наук Незадолго до этого в Академии начались работы по подготовке иллюминации и фейерверка к торжественному въезду императрицы Анны Иоанновны в Петербург Вновь прибывшему поэту сразу же была поручена подготовка проекта этого зрелища Как мы теперь знаем, некоторый опыт в составлении проектов у Юнкера уже был, поскольку он непосредственно участвовал в подготовке иллюминации 3 августа 1727 года в Дрездене Тог-

• ⁴¹ В 1730 году А. Хауде проживал в доме г. фон Барделебена по адресу угол Шпандауштрассе и Нагелштрассе (*Widdecke E. Geschichte der Haude und Spenerschen Zeitung* Berlin, 1925 S. 38)

⁴² П. П. Пекарский неверно указывает, что Миллер застал Юнкера в Лейпциге в 1730 году (*Пекарский П. Указ* соч. Т. I С. 480), сам Миллер говорит, что Юнкер разыскал его, когда тот был в Берлине (*Миллер Г.-Ф. Указ* соч. С. 208), т. е. между 28 июня и 13 июля 1731 года (Там же С. 206, 210)

⁴³ *Gesprache in dem Reiche derer Todten* Leipzig, verlegte Wolfgang Deer unter Herrn Johann Schwabens Haude Это издание, выходившее в год 8 тетрадами, в каждой из которых был помещен отдельный «Разговор», имело многочисленные подражания, а после смерти Д. Фассмана — продолжение Однако полный комплект «Разговоров» Фассмана, вероятно, очень редок Даже каталог «Gesamtverzeichnis des deutschsprachige Schrifttums», составленный на основе коллекций Мюнхена, Нью-Йорка, Парижа и Лондона, фиксирует лишь отдельные выпуски «Gesprache» (GV T. 46) В Петербургских библиотеках (БАН, РНБ) хранится относительно богатое собрание «Разговоров», однако те выпуски, в которых мог принимать участие Юнкер, т. е. 1728–1731 годы, как раз отсутствуют

⁴⁴ *Allgemeine Deutsche Biographie* Leipzig, 1877 Bd. 6 S. 580

⁴⁵ О книгоиздательстве Хауде см. *Widdecke E. Geschichte der Haude- und Spenerschen Zeitung*

⁴⁶ См. *Пекарский П. Указ* соч. Т. I С. 490 О его читательских интересах см. *Хомеев Л. И. Немцы — читатели библиотеки Петербургской академии наук 1724–1736 годы // Немцы в России. Петербургские немцы* СПб., 1999 С. 23

⁴⁷ *Миллер Г.-Ф. Указ* соч. С. 208

да, правда, участие могло ограничиваться стихами и одой, опубликованными им в томе Гофмансвальдау, и наблюдением за работой по составлению проекта Кёнига. Теперь Юнкеру самому приходилось обдумывать идею действия, его план и композицию. 16 ноября проект был уже готов, и в тот же день его автор был произведен в адъюнкты Академии наук. Начало зимы ушло на составление проектов иллюминаций и фейерверков к 28 января 1732 года (день рождения императрицы) и 3 февраля (день ее тезоименитства). Все три устроенных Юнкером празднества в Академии наук и при дворе были приняты восторженно, а их «описание превзошло все ожидания».⁴⁸ Уже велись переговоры о представлении Юнкера ко двору, но оно по неизвестным причинам не состоялось. Успех проектов и описаний иллюминаций и фейерверков Юнкера, очевидно, и определил невероятный «случай» Юнкера с первых его шагов в Петербурге, о котором говорит Миллер. Место в Академии и известность его при дворе были прежде всего следствием его работы над проектами, о чем говорят, в частности, даты его возвышения, и уже во вторую очередь — успехом его стихотворений в академической среде, о котором говорит Миллер.⁴⁹

Неожиданный начальный взлет Юнкера зимой 1731/32 года свидетельствует о том, что искусство иллюминации и фейерверка сделалось в этот период времени чрезвычайно актуальным, что объясняется стремлением русского двора изменить после пяти лет безвременья свой статус. Возвращение императорской резиденции в Петербург и приезд нового инвентора Юнкера счастливо совпали. Вместе с тем мастерство в этом искусстве Юнкера, должно быть, много превосходило возможности прежних инвенторов и отвечало желаниям заказчиков. Сравнение характера иллюминаций и фейерверков Юнкера с иллюминациями его предшественников затруднено отсутствием изданий описаний в послепетровское время. По сохранившимся «Супплементам» и упоминаниям в «Описании коронации» иллюминации и фейерверка, представленных на коронации императрицы Анны 28 апреля 1730 года,⁵⁰ можно говорить об относительной скромности и простоте этих зрелищ в сравнении с фейерверками Петровского времени и юнкеровскими. Необходимо, правда, учитывать, что роскошь иллюминации и фейерверка прямо зависела от средств, которые выделяли на них заказчики. Январские «великие» иллюминации 1732 года щедро ассигновались Академией, поскольку, как пишет Миллер, президент Л. Блюментрост, боявшийся своего падения, надеялся ими задобрить императрицу.⁵¹ Но не только богатством определялась «великость» иллюминации, требовалось немало искусства выстроить все представление, разворачивавшееся в пространстве и во времени, сделать его цельным и при этом разнообразным. Для этого необходима была центральная идея и ее детальная разработка

⁴⁸ Там же С 215

⁴⁹ Там же С 214

⁵⁰ Описание коронации е и в < > Анны Иоанновны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве, 28 апреля 1730 года М., печ при Сенате, 1730

⁵¹ Миллер Г-Ф Указ соч С 245

Проекты Юнкера превосходили проекты предшественников (И-С Бекенштейна и Г-З Байера⁵²) не только благодаря мастерству инвентора, не жалевшего на них своих сил, но и благодаря положенной в основу их идеи

Уже иллюминация Юнкера 16 января 1732 года пронизана идеей государственного благополучия «Благополучие Российского государства» названо в «Описании» «главным делом», вокруг которого строится все действо, призванное представить «храм благополучия Российского государства»⁵³ На это направлены все аллегории и эмблемы, обыгрывающие условия государственного благополучия «веселие народа», «верность престолу», «попечение об обществе», «тишина государства», «кораблеплавание», «красота и слава» Одной из центральных статуй, стоявших возле пирамиды, символизировавшей «веселие народа», была статуя «Политики», так переведена *die Staats-Klugheit* (государственное благоразумие) Ее аллегорическое изображение подробно разъяснено Описание пирамиды и статуи заключено стихами в 20 строк шестистопного ямба, восхваляющими Российское государство, где *die Staats-Klugheit* снова переведена «политикой» («*die Staats-Klugheit hebt hier, zur Rechten* » — На правой стране политика стоит⁵⁴) Похвала государственной мудрости или политики распадается на похвалу внешней политики и похвалу внутренней политики Последней отведен целый план иллюминации на транспарантах значится 7 указов первых двух лет царствования⁵⁵ В центральном стихотворении, не имеющем в немецком оригинале названия (в русском переводе — «Дедикация» — посвящение), дается характеристика русского государства

Та же государственная идея лежит в основе других сохранившихся «изъяснений» Юнкера Всего известно четыре описания Юнкера 1732–1734 годов и одно 1737 года Их было больше, по всей видимости, им составлялись проекты и описания всех иллюминаций и фейерверков 1732–1734 годов В них Юнкером неизменно прославлялась Россия и была намечена целая система государственных ценностей, к которой восходят многие «общие места» русской государственной литературы, прежде всего торжественной оды

Государственное содержание иллюминаций и фейерверков Юнкера в условиях смены политического курса было высоко ценным новаторством После смерти Петра Великого государственный панегирик был забыт, и монархи даже Феофаном Прокоповичем прославлялись не как вла-

⁵² Миллер Г-Ф Там же С 214

⁵³ Описание оных торжественных учреждений < > на прибытие е и в < > в Петербург // Примечания на ведомости 1732 Ч 1 С 123–176

⁵⁴ Так же переводит Ломоносов 270-й стих «Венчанной надежды» Юнкера (*Die Staats-Kunst sieh zwar weit doch denckt sie zweifelhaft*) Политика зрит в даль, но слаб ее совет (Сочинения М В Ломоносова с объясн примеч акад М И Сухомлинова СПб, 1891 Т I С 84–85)

⁵⁵ Впоследствии такая схема похвалы внутренних установлении со ссылкой на указы (в немецком оригинале — Ukas) будет повторена Штелином — в оде 1738 г (*Der herrliche Glantz der Russischen Kayser-Krone am hohen Kronungs-Feste St Petersburg, den 28 April 1738*) где даются подстрочные примечания с перечислением указов

детели великого государства, а как идеальные Божии помазанники⁵⁶ Прямому прославлению Российского государства в панегириках 1726–1731 годов не было места. Возрождение после смерти Петра Великого государственного панегирика и стало, по-видимому, главной заслугой Юнкера, ценимой при дворе.

Точнее говорить не просто о возрождении, но и о заметном усилении и, во всяком случае, о новой огласовке звучания государственной идеи у Юнкера. Политическое содержание фейерверков и иллюминаций Юнкера восходит к политическому учению Хр Вайзе, лежащему в основе идеологии немецкой придворной школы. Так, у Вайзе заимствовано Юнкером центральное в его философии государства и права понятие «die Staats-Klugheit», которому посвящен третий раздел трактата «Политические вопросы, или основательное известие о политике» «Von der Politische Staats-Klugheit» («О политическом государственном благоразумии»)⁵⁷. Поскольку эта категория была для немецкой культуры новой, Вайзе поясняет ее французским «Raison d'Etat» и латинским «Ratio Status»⁵⁸.

В России слово «политика», вошедшее в обиход еще в Петровское время, не имело определенного закрепленного за ним значения. Поэтому, когда в апреле 1734 года Юнкер за свои заслуги инвентора был пожалован званием профессора политики, императрица, от которой исходил указ (вопреки обычным правилам),⁵⁹ могла иметь в виду ту «политику» (государственную пропаганду), которой занимался Юнкер. Для немецких же профессоров, воспринимавших «политику» как философскую дисциплину, это звание казалось нелепым⁶⁰. Но уже в 1738 году понятие «политика» у русских стало прочно ассоциироваться с устройством государственных празднеств. Так, для Михаила Собакина совершенно естественно, что «действие Политики — Управляти торжества в праздники велики»⁶¹.

Описание иллюминации и фейерверка представляло собой особый род литературы, в который входили помимо словесного описания внешнего вида и расположения статуй, пирамид и других фигур, представленных на планах, краткие девизы к ним, помещавшиеся на транспарантах, иногда их объяснение. Необходимой частью описаний иллюминаций и фейер-

⁵⁶ [Феофан Прокопович] 1) Ad augustissimum totius russiae imperatorem Petrum II Cum Mosquam tenderet insignia regni Capessures, 2) Слово в день вшествия на всероссийский престол < > имп Анны Иоанновны < > О том, что царская власть собственным промыслом Божиим получается. Проповеданное Феофаном архиепископом Новгородским [СПб., 1733]. О содержании коронационного слова Феофана можно судить по краткому экстракту из него, помещенному в Описании коронации е и в < > Анны Иоанновны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве, 28 апреля 1730 года. См также стихи Феофана имп Анне. Феофан Прокопович. Сочинения Л., 1961 С 217–220.

⁵⁷ Weise Chr Politischen Fragen, das ist Grundliche Nachricht von der Politica. Dresden, Leipzig, 1710.

⁵⁸ Ibid S 410.

⁵⁹ Указ от 28 марта 1734 года. См Пекарский П. Указ соч Т I С 483.

⁶⁰ В результате обсуждения этого звания академиками на заседании 25 ноября 1734 года оно было заменено «профессором поэзии» (Там же С 484). Сам Юнкер неизменно подписывал свои стихи первым званием.

⁶¹ [Собакин Михаил] Совет Добродетелей о поздравлении всеавгустейшей персоны е и в Анны Иоанновны < > чрез Михайла Собакина, Шляхетного корпуса подпрапорщика [СПб., 1738] С 2.

верков являлось своего рода вступление к собственно описанию, в котором излагалась основная идея представления, иногда рассказывалось о значении отмечаемого праздника. Отличительной особенностью юнкеровских описаний в сравнении с другими петербургскими описаниями, с более поздними (Я. Штелина, Хр. Гольдбаха и Ломоносова) и с более ранними (Петровской эпохи), состоит в помещенном в начале описания пространном стихотворении. Как мы знаем благодаря знакомству с иллюминационными стихами Юнкера 3 августа 1727 года, эта традиция была вывезена им из Дрездена. Стихотворением, похожим на дрезденское, открывается описание иллюминации 28 апреля 1732 года.⁶²

Вскоре Юнкер заменил вступительное похвальное стихотворение вступительной одой. Первая ода открывает иллюминацию 28 января 1733 года.⁶³ Всего сохранилось четыре иллюминационные оды Юнкера,⁶⁴ но было их несомненно больше (часть из них пропала вместе с описаниями). Уже летом 1734 года Тредиаковский называет «пять-шесть Од», «чрез» которые он «ведал искусство» в этом жанре «господина Юнкера»,⁶⁵ имея в виду его иллюминационные оды, поскольку именно их переводами он занимался. Много позднее он напомним президенту Академии наук К. Г. Разумовскому, что «переводил все покойного Юнкера оды».⁶⁶ Переводы Тредиаковского помещались в русском варианте «Описаний». Другие стихотворения Юнкера, за исключением позднего похвального стихотворения «Die gekrönte Hoffnung» (1742), переведенного Ломоносовым, переводу не подлежали.

Между тем в 1733 году Юнкер написал целый ряд похвальных стихотворений: эпитамическое стихотворение на брак свояченицы Бирона, Брауншвейгскому герцогу Антону Ульриху, принцессе Анне Леопольдовне и президенту Академии наук Г. К. Кайзерлингу.⁶⁷ Их имели в виду П. П. Пекарский и Л. В. Пумпянский, говоря об одах Юнкера.⁶⁸ Однако все они, написанные длинным стихом, не поделенным на строфы, не могут быть

⁶² Kurze Beschreibung der Illumination welche den 28 April 1732 [СПб, 1732]

⁶³ Beschreibung der grossen Illumination welche den 28 Jan 1733 < > vorgestellt worden [СПб, 1733]

⁶⁴ Они напечатаны в изд. 1) Beschreibung der grossen Illumination welche den 28 Jan 1733 < > vorgestellt worden [СПб, 1733], 2) Kurze Beschreibung desjenigen Feuer-Werckes welches den 28 Jan 1734 < > abgebrannt worden [СПб, 1734], 3) Kurze Nachricht von dem Feuer-Wercke welches den 28 April 1734 < > vorgestellt worden [СПб, 1734], Kurze Erklärung des Lust-Feurs welches den 28sten Januarii 1737 < > vorgestellt worden [СПб, 1737]

⁶⁵ Тредиаковский В К Рассуждение о оде вообще СПб, 1734 С [30]

⁶⁶ Письмо К Г Разумовскому от 8 марта 1751 года // Москвитин 1849 № 4 Отд III С 178

⁶⁷ Все эти стихотворения выходили отдельными изданиями, экземпляры которых хранятся в СПбФ АРАН (разр VI, оп 1, № 683–685) и в БАН Стихи Антону Ульриху, отд изд — Als durchlauchtigste Fürst und Herr, Herr Anton Ulrich Hertzog zu Braunschweig und Lüneburg etc etc den 1 Jun 1733 Die kaiserliche Academie der wissenschaften und Kunst-kammer in St Petersburg mit dero hohen Gegenwart beehren [СПб, 1733] и стихи Анне Леопольдовне в «Сводном каталоге книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке» (Л, 1975 Т 2 Н-Р, в дальнейшем — СКИК) не зафиксированы, их местонахождение СПбФ АРАН, разр VI, оп 1 № 683, л 85–86 и № 684, л 201

⁶⁸ Пекарский П Указ соч Т I С 482, Пумпянский Л В 1) Ломоносов и немецкая школа разума С 34, 2) Тредиаковский и немецкая школа разума С 177

отнесены к одам. Не называют их одами ни Тредиаковский, как видно из приведенной цитаты («переводил все оды»), ни позднее Миллер.⁶⁹ Три первых стихотворения написаны в соответствии с придворной школой шестистопным ямбом, стихотворение Кайзерлингу — восьмистопным хореем.⁷⁰ Этот размер, давно забытый в Лейпциге, по-видимому, дань вкусу адресата, для которого этот стих должен был звучать привычнее. Подавляющая часть немецких похвальных стихотворений в Петербурге 1720–1730-х годов писалась этим тяжеловесным витиеватым размером. Юнкеру этот размер едва ли доставил удовольствие, поскольку отказ от него был одним из главных версификационных достижений придворной школы.

Та же инерция восприятия немецких стихов в Академии наук и при дворе определила, по-видимому, то, что новаторский для немецкой поэзии жанр оды не нашел в начальные годы пребывания Юнкера поддержки при русском дворе. Свое первое в России стихотворное произведение Юнкер создал в форме оды сразу же по приезде в Россию «Ode» на новый 1732 год, первая известная классицистическая (пиндарическая) ода в России, напечатанная анонимно в немецком и в русском вариантах «Примечаний на Санктпетербургские ведомости»,⁷¹ очевидно, осталась незамеченной. В течение следующих трех лет, в которые Юнкер был признанным придворным поэтом в Петербурге, он не опубликовал ни одной оды и лишь в «Описаниях» обращался к этому жанру. Только к новому 1735 году им была написана вторая петербургская ода,⁷² а к новому 1736 году — третья.⁷³ За эти четыре года отношение к новому для России жанру торжественной оды в новой для русских (включая сюда и русских немцев) форме французской классицистической оды (пиндарической, по определению Буало) существенно изменилось. И в этом повороте русского общества к новому жанру большую роль сыграли иллюминационные оды Юнкера.

Внутри Академии наук Юнкера ценили не только как исправного инвентора, готового «взяться,— по словам Миллера,— за все», и прежде всего за подготовку в короткий срок проектов и описаний, но и как поэта. «С появлением Юнкера, явился вдруг Гюнтер, Пич, Каниц, прирожденный, а не искусством и прилежанием сделавшийся поэт».⁷⁴ Здесь снова,

⁶⁹ Миллер Г-Ф. Указ соч. С. 293, 299.

⁷⁰ Об этом стихе см. *Пумпянский Л. В.* Тредиаковский и немецкая школа разума. С. 183–184.

⁷¹ Anmerkungen über die Zeitung 1732. T. I. S. 3–7, Примечания на Санкт-Петербургские ведомости 1732. Ч. I. С. 3–7. Ее перевел на русский, по-видимому, М. Шванвиц.

⁷² Она опубликована Anmerkungen über die Zeit 1735. T. I. S. 3–7. Ее русский перевод, выполненный Тредиаковским. Примечания на ведомости. Ч. I. С. 3–7.

⁷³ Ode worin der allerdurchlauchtigsten grossmachtigsten Fürstin < > Anna Ioannowna Kayserin und Selbsthalterin von allen Reussen etc. bey dem Eintritt in das 1736ste Jahr in allerunterthanigst gluckwunschet Gottlob Friedrich Wilhelm Juncker [SPb., 1736] (СКИК, № 1481). Исследователи петербургской немецкой оды ее не учитывают, ошибочно полагая, что Юнкеру принадлежит другая новогодняя ода — Allerunterthanigster Gluck-Wunsch in einer Ode an Ihre Kayserl. Maj. Anna Ioannowna < > zum Eintritt des 1736sten Jahres auss von der Academie der Wissenschaften. SPb., [1736], которая в действительности принадлежит Штелину.

⁷⁴ Миллер Г-Ф. Указ соч. С. 214. Ироничный тон перевода этого места, приведенного Пекарским (*Пекарский П.* Указ соч. Т. I. С. 481), мешает отнестись к свидетельству Миллера серьезно. В словах Миллера, естественно, нет и тени пренебрежения.

как и раньше, Миллер сравнивает Юнкера с лучшими поэтами эпохи и снова подчеркивает врожденный характер его гения, чуть раньше он говорит о приущем стихам Юнкера «великом остроумии» (*vieler Witz*).⁷⁵ Сам Миллер, на протяжении всей жизни интересовавшийся немецкой и русской поэзией, высоко ценил творчество Юнкера и сожалел о несостоявшемся издании его стихотворений, которое не успел подготовить И.-Г. Бок, умерший в 1760 году.⁷⁶ Ему Миллер отправил «много материалов» Юнкера, затерявшихся в Кёнигсберге. По свидетельству Миллера, Юнкером было написано в Петербурге множество стихотворений на самые разные случаи. Известные нам официальные стихотворения поэта, сохранившиеся благодаря публикациям, составляют, очевидно, лишь незначительную часть его творчества петербургского периода. Ценители поэзии в стенах Академии наук не могли не чувствовать в Юнкере подлинного поэта и не только в сравнении с прежними авторами, волея-неволей вынужденными прибегать к сложению похвальных стихов. Поэтическое дарование Юнкера, замеченное еще в Лейпциге и в Дрездене, в Петербурге могло только выиграть в своей привлекательности. К тому же Юнкер приехал из Лейпцига, своего рода литературной столицы Германии (*petit Paris*, как определит его позднее Гёте), с лучшими поэтами эпохи он был лично знаком (Кёнигом, Менке, вероятно, Бессером, жившим в Дрездене) и в новейшем движении теоретической мысли принимал личное участие. Все литературные новости и события известны были ему из первых рук. Для тех, кто интересовался немецкой поэзией, это не могло не быть притягательным. Глубокое знание поэзии в Юнкере сочеталось с общительностью (об этом говорит Миллер), позволявшей ему быть приятным собеседником, с удовольствием говорившим на интересные ему темы. Среди тех, для кого немецкая поэзия представляла интерес, был Шумахер. Литературные вкусы Шумахера еще не подвергались специальному исследованию, хотя они этого заслуживают, уже потому, что ни от кого, более чем от Шумахера, не зависела литературная политика Академии наук. Единственный из петербургских академиков, получивший специальное поэтическое образование,⁷⁷ Шумахер испытывал интерес не только к немецкой, но и к русской литературе, оказывая благоволение Тредиаковскому после успеха «Езды в остров Любви» и Ломоносову после триумфа его од. Мы располагаем единственным документом, в котором дана зарисовка литературной жизни в Академии наук начала 1730-х годов и роли в ней Юнкера.

В письме от 1 июня 1733 года Тредиаковского к Шумахеру⁷⁸ речь идет о только что состоявшейся беседе с «людьми даровитыми и академиками» о поэзии и о новом лирическом состоянии «восторга» и «исступления» (*extase, la violense*, письмо писано по-французски), связанного с те-

⁷⁵ П. П. Пекарский переводит это место «множество острот», не учитывая, по-видимому, того, что «остроумие» было в эту эпоху важной категорией немецкой эстетики.

⁷⁶ Миллер Г.-Ф. Указ. соч. С. 247.

⁷⁷ В 1711 г. при окончании Страсбургского университета он получил звание магистра поэзии и *laurea poetica* (Пекарский П. Указ. соч. Т. I. С. 16).

⁷⁸ Оно опубликовано Пекарским (Там же. Т. I. С. 41–42).

орией классицистической оды Одним из «даровитых людей» в компании Шумахера несомненно должен был быть Юнкер, раскрывавший перед собеседниками тайны новой лирики, пиндарической оды, изложенные в «Рассуждение о оде» Буало и исследуемые теперь Немецким обществом В результате этой беседы Шумахер, восторженно, очевидно, внимавший рассказам Юнкера, предложил Тредиаковскому создать на русском языке подобные «стихи», т. е. пиндарическую оду Пока, летом 1733 года, Тредиаковский был к этому еще не готов и изящно уклонился от поручения Письмо Тредиаковского свидетельствует, во-первых, о внимании к новой теории лирики и к новому жанру пиндарической оды в академической среде, а во-вторых, открывает роль Юнкера и Шумахера в создании новой русской оды Спустя год с небольшим Тредиаковский создает пиндарическую оду «На сдачу города Гданска» и «Рассуждение о оде вообще» (1734) Роскошное издание труда Тредиаковского и перевод его на немецкий язык Юнкера служат дополнительным доказательством участия и заинтересованности бывших собеседников — Шумахера и Юнкера — в предпринятом русским поэтом деле

Спустя полгода после выступления с одой Тредиаковского Юнкер покинул Петербург, чтобы вместе с фельдмаршалом Б. Минихом участвовать в польском, а затем крымском походах.⁷⁹ Вернувшись в столицу в конце 1735 года, он застал в ней уже Штелина, специального приглашенного из Лейпцига на смену Юнкеру для составления проектов иллюминаций Из чувства соревнования с этим скучного дарования поэтом он написал к новому 1736 году оду «Время» и поднес ее императрице.⁸⁰ А спустя год, когда Юнкер снова оказался в Петербурге, императрица пожелала, чтобы описание иллюминации и фейерверка 28 января 1737 года «взято б было от господина профессора Юнгора», выказывая тем свое предпочтение его искусству.⁸¹ В этом январе Юнкер переживал очередной свой триумф при дворе, вызванный его рассуждением об улучшении работы Бахмутских соляных копий.⁸² По указу от 26 августа 1737 года Юнкер был отставлен от Академии наук и назначался «каморным советником Бахмутских соляных заводов»,⁸³ что предоставляло ему завидное богатство⁸⁴ и свободу В конце 1737 года он уехал в Германию «для обозрения тамошних учреждений по соляной части»,⁸⁵ где летом 1739 года во Фрейбурге встречался с Ломоносовым По возвращении в Россию в конце 1739 года Юнкер уже не выступал в роли инвентора и официального поэта Однако связи с Академией наук им не прерывались 29 апреля 1742 года, пережив крушение своего патрона Миниха, и в беспокойстве от недобрых слухов о судьбе немецких академиков в новое царствование, в праздничном Академиче-

⁷⁹ Миних выехал из Петербурга 20 февраля 1735 г. (СПб. ведомости 1735 № 15) с многочисленной свитой, в числе которой и был Юнкер

⁸⁰ Ее выходные данные см. в сноске 73. О публикации ее во втором одическом сборнике Общества см. сноску 34

⁸¹ Материалы для истории Имп. Академии наук. СПб., 1886. Т. III. С. 308

⁸² Миллер Г.-Ф. Указ. соч. С. 451

⁸³ Материалы для истории Имп. Академии наук. Т. III. С. 472

⁸⁴ Пекарский П. Указ. соч. Т. I. С. 486–487

⁸⁵ Там же

ском собрании он читал свое похвальное стихотворение «Die Gekrönte Hoffnung», изданное тогда же в переводе Ломоносова.⁸⁶ Знаменательно, что это стихотворение, на которое Юнкер возлагал, очевидно, большие надежды, написано в форме лобгедихте, а не оды, оставшейся, вероятно, в его восприятии более литературным, чем официальным жанром. По-видимому, до конца своих дней (он умер 11 ноября 1746 года в Петербурге) Юнкер продолжает быть неофициально связанным с Академией. В 1743 году его просили подготовить надписи для украшения нового конференц-зала Академии наук.⁸⁷ И это последнее известие о Юнкере.

Необычная и оставшаяся полузабытой в истории русской литературы поэтическая судьба Юнкера предоставляет богатый материал для размышлений о характере литературных взаимосвязей и роли случайного и не случайного в их установлении. Даровитый поэт, вытесненный из своего окружения нуждой и литературной борьбой, оказался в Петербурге совершенно случайно. И здесь из всего спектра его литературных возможностей, знаний и умений было воспринято только и именно то, что было актуальным в данный момент для развития русской поэзии и культуры. И это оказалось вовсе не тем, чем Юнкер превосходил своих товарищей по Немецкому обществу. Его искусство в жанрах легкой поэзии и в поэтическом переводе, которым он мог гордиться, здесь постепенно ветшало (о чем говорится в послании Кёнигу). Разного рода стихи, сочиняемые Юнкером в большом числе по заказу академиков, были, вероятно, ниже его возможностей и носили узко корпоративный характер. Не представляли здесь также интереса и теоретические взгляды Юнкера на проблемы нового стиля немецкой поэзии. Вместе с тем то, чем он владел как обычный представитель литературной культуры придворной школы — составление проектов, — получило поддержку и повлияло на развитие русской государственной придворной культуры, а то, к чему он был причастен как член Немецкого общества — новая немецкая классицистическая ода, — повлияло на дальнейшее развитие русской лирики. Однако дарование Юнкера, лишь в незначительной, по-видимому, степени востребованное в Петербурге, не могло не оказывать свое магнетическое действие, необходимое для всякого влияния.

Сложись поэтическая судьба Юнкера более счастливо, в 1730-х или 1740-х годах в Лейпциге был бы издан том с гравированным его портретом, стихотворной к нему надписью и объяснением к ней, с обстоятельной его биографией, лестной и чувствительной. В конце XIX—начале XX века какой-нибудь молодой ученый издал бы в Лейпциге или Берлине о нем диссертацию, и его имя знатокам немецкой поэзии говорило бы о том, что Юнкер был в числе восьми или десяти поэтов немецкого классицизма, забытых с приходом в поэзию Ф. Г. Клопштока. Разорвав свой творческий путь отъездом в Россию, Юнкер лишил себя портрета, сборника стихов, обстоятельной биографии, но оказал неоценимую услугу русской поэзии и культуре, став единственным в своем роде провозвестником новой европейской поэзии в России.

⁸⁶ Программа этого собрания, вышедшая тогда же на латинском языке, приведена Миллером, см.: Миллер Г.-Ф. История Академии наук. С. 548–549.

⁸⁷ Там же. С. 604.